

КЛАУС
ХАГЕРЮП

МАРКУС
И
ДЕВОЧКИ

Верхняя полка

Верхняя полка

Клаус Хагерюп

Маркус и девочки

«Белая ворона/Albus corvus»

1997

Хагерюп К.

Маркус и девочки / К. Хагерюп — «Белая ворона/Albus corvus»,
1997 — (Верхняя полка)

ISBN 978-5-00114-158-7

Это вторая книга про приключения четырнадцатилетнего Маркуса Симонсена. За первые два месяца старшей школы Маркус влюбляется во всех одноклассниц подряд, а в некоторых даже по второму разу. Его друг Сигмунд придумывает сложносочиненные планы по покорению сердца той или иной девушки, но стоит им добиться успеха, как Маркус переключает свое романтическое внимание на кого-то еще. Маркус мог бы обратиться за помощью к отцу, но тот всю жизнь любил только маму. И вот в классе Маркуса появляется новенькая Александра. Она не похожа ни на кого, прекраснее всех на свете и Маркус готов на все, чтобы завоевать ее сердце. Сигмунд придумывает очередной гениальный план: они поставят «Ромео и Джульетту», где Маркус сыграет Ромео, а Александра – Джульетту. Но и ту все пойдет совсем не так, как задумано. Клаус Хагерюп (1946–2018) – норвежский писатель, переводчик, сценарист, актер и режиссер. Дебютировал в 1969 году со сборником стихов «Вот как я о тебе думаю». В 1968–1969 годах Клаус Хагерюп играл в разных театрах, а также работал преподавателем, режиссером и писателем. Кроме того он снялся в нескольких фильмах, но более известен как автор пьес для театра и радио и книг, в основном, для подростков. Наибольшую известность принесла Клаусу Хагерюпу серия про неуверенного в себе подростка Маркуса. В 1988 году Клаус Хагерюп написал биографию «Мне все так близко» о своей матери Ингер Хагерюп, которую считают одной из самых значимых норвежских поэтесс XX века. Клаус Хагерюп получил несколько литературных премий, а в ноябре 2018 года он был награжден Почетной премией Браге за вклад в норвежскую литературу.

ISBN 978-5-00114-158-7

© Хагерюп К., 1997

© Белая ворона/Albus corvus, 1997

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Клаус Хагерюп

Маркус и девочки

Klaus Hagerup
Markus og jentene

© Klaus Hagerup

© Вера Дьяконова, перевод, 2021

© Виктория Попова, обложка, 2022

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2022

* * *

Глава первая

– Ну вот, опять, – заметил Сигмунд с беспокойством в голосе. – Это же ненормально, Макакус!

– Что поделаешь, Сигмунд? Просто... так получается.

– Ничего просто так не получается! Есть у тебя свобода воли или нет?

– Не думаю.

– Конечно, есть! Иначе бы тебя просто несло куда попало.

– А разве меня не несет?

– Вероятно, у тебя проблемы с гипофизом.

– Наверное, – вздохнул Маркус. – Я так и думал.

– Сначала была Эллен Кристина, потом Беате, Карианна, Муна, затем Ханна, потом Хильда, Турид, Эллен, Лисе, а потом – Анне Берит...

– Нет, потом была Хайли.

– Нет, Хайди была *после* Анне Берит.

– Правда?

– Да.

Сигмунд строго посмотрел на Маркуса:

– А потом еще Трюде, Элисабет, Тереза... Да все девчонки в классе! И кто теперь?!

– Теперь Эллен Кристина.

– Эллен Кристина?! Опять?!

– Да, – тихо ответил Маркус, – у нее такие красивые уши. В прошлый раз я не обратил на них внимания.

Маркус Симонсен снова влюбился. Уже в пятнадцатый раз с тех пор, как перешел в новую школу. А случилось это два месяца назад.

– Сигмунд, ты думаешь, я... нимфоман?

Сигмунд рассеянно кивнул:

– Очень боюсь, что да.

– Но мне всего тринадцать! – шипло прошептал Маркус. – Что же я стану делать, если и дальше так будет продолжаться?

– Конечно, всегда остается возможность кастрации, – медленно произнес Сигмунд.

– Сигмунд!

– А что? Самая обычная хирургическая операция. Мы, например, на прошлой неделе кастрировали кота... Он успокоился и перестал орать.

– Я не ору!

– Пока что. Но со временем...

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю то, что я знаю, – сказал Сигмунд и покраснел.

– Я не хочу, чтобы меня кастрировали!

– Расслабься, я пошутил, – улыбнулся Сигмунд.

– А мне не до шуток. Это просто кошмар какой-то!

Маркус жалобно посмотрел на Сигмунда. Они шли домой из школы по узкой дорожке, посыпанной гравием. Сигмунд – высокий элегантный брюнет, и Маркус – низенький неуклюжий блондин. Дул сильный ветер, одна из тех осенних бурь, когда Маркус чувствовал, что вот-вот взлетит.

– Ну помоги же мне, Сигмунд! Скажи, что я могу... О, только не это! Вон она!

– Кто?

– Эллен Кристина!

Она бежала вниз по дороге рядом с Муной. На девочках были короткие кожаные куртки, узкие брюки и ботинки «Катерпиллар». Волосы Эллен Кристины развевались на ветру, и Сигмунд с Маркусом увидели ее уши. Они были маленькими, чуть оттопыренными и слегка покрасневшими от холода.

– Привет! – крикнул Сигмунд.

– Ой!

Маркус натянул куртку на голову и застегнулся на все пуговицы. Девочки остановились и помахали им:

– Привет, Сигмунд! Здорово, что сегодня пятница, правда?!

– Да, здорово! – крикнул Сигмунд. – И на погоду грех жаловаться.

– А мы и не жалуемся, – крикнула в ответ Эллен Кристина, – мы идем на гандбольный матч! А почему Маркус без головы?

– У него мерзнут уши! – прокричал Сигмунд.

Девочки помахали и побежали дальше. Маркус все еще стоял с курткой на голове.

– Можешь вылезать, Макакус, они ушли.

Из дутой куртки медленно всплыло бледное лицо.

– Боже мой, Сигмунд! Ты видел эти уши?!

– А что в них такого особенного?

– Разве ты не заметил, что они... не как у всех? – возбужденно прошептал Маркус.

– Уши у всех разные, – с превосходством в голосе проговорил Сигмунд, – если только эти все не клоны.

– А ты не заметил, что они похожи на мидий?

– На мидий?

– Да, на мидий с жемчужинами.

– С жемчужинами?

– Да-да! У нее сережки прямо как жемчужины в мидиях.

– Ты что, умудрился разглядеть отсюда ее сережки?

– Нет, я изучал их на последнем уроке. Я все время на них смотрел. Пока мы писали сочинение.

– И как же ты смог его написать?

– Она меня вдохновляла. Я написал про молодого человека, который ныряет за жемчугом на Мальдивах. И в море он встречает русалку, у которой вместо ушей ракушки с жемчужинами.

– У русалок не бывает вместо ушей ракушек, – хмыкнул Сигмунд.

Маркус весело удивился:

– Не знал, что русалки вообще существуют!

– Этого нельзя знать наверняка, – коротко ответил Сигмунд.

– Тогда нельзя наверняка знать, что у них не бывает ракушек вместо ушей.

– Можно предположить, что не бывает, – сказал Сигмунд с некоторым превосходством.

– Но рыбы-то хвосты точно есть?

– В теории.

– Да мне плевать на теорию! – обиженно произнес Маркус.

– Знаю. Поэтому у тебя так плохо с математикой.

– Вовсе нет. За последнюю контрольную я получил четверку.

– А я пятерку, – ответил Сигмунд, довольный собой.

Маркус секунду раздумывал, стоит ли продолжать дискуссию, но он знал, как бы долго они ее ни вели, последнее слово все равно останется за Сигмундом. Кроме того, мысли его самого все еще занимали уши Эллен Кристины, поэтому он решил прекратить спор:

– В любом случае это лучшее сочинение в моей жизни.

Сигмунд улыбнулся. Такая улыбка появлялась на его лице всякий раз, когда он выигрывал спор. Маркус сделал вид, что ничего не заметил.

– Молодой человек и русалка остаются на морском дне. Они женятся, и у них рождаются дети.

– Сколько?

– Косяк, – ответил Маркус.

– Косяк рыб?

– Ну да, русалка же наполовину рыба!

– Невозможно рожать рыб, это совершенно нереально.

– Это был всего лишь один маленький косячок, – пробормотал Маркус и тут же подумал, что, в сущности, в сочинении было довольно много нереального.

Нереальным, например, являлось то, что молодой человек выжил на морском дне, нереальным было и то, что там же отпраздновали свадьбу, и уж совсем нереально, что у человека и русалки появились дети. Если русалка – наполовину рыба, то Маркус вообще не понимал, как можно этих детей сделать?! Ну а то, что в результате получился косяк рыб, раз уж все-таки им *это* удалось, то, возможно, *эта* фантазия оказалась самой реальной во всей истории.

– Ну, рыбки – значит, рыбки, – кивнул Сигмунд.

– Это не имеет значения! – горячо ответил Маркус. – Главное, что сочинение написано с большой любовью.

– К русалке?

– Нет! К Эллен Кристине. Я люблю ее, Сигмунд. Ответь, что мне делать?!

– Так и скажи ей, что ты ее любишь.

– Ты что, рехнулся?

– Тогда покажи ей свое сочинение.

– Что?

– Скажи, что она тебя на него вдохновила.

– Да она просто надо мной посмеется!

– Нет, если сочинение и вправду хорошее. К тому же косяк рыбок не очень большой, – добавил он задумчиво.

– Я не смею! Ты должен помочь мне, Сигмунд!

Сигмунд наморщил лоб. Он знал, что так выглядит еще умнее, чем обычно.

– Окей, Макакус, – проговорил он медленно. – Я так и сделаю.

– Сделаешь как?

– Покажу ей сочинение и скажу, что это я его написал. Если она будет смеяться, я как-нибудь перенесу. Ну а если нет...

– Если нет?!

– Тогда я признаюсь, что это ты написал сочинение и еще что ты...

Маркус посмотрел на него, полный нетерпеливого ожидания:

– Что я?

– Что ты наконец-то нашел свою жемчужину, – ответил Сигмунд...

Шел понедельник. Раздался звонок с последнего урока. Сигмунд схватил Эллен Кристину за руку и сказал, что написал сочинение и очень хочет его ей прочитать. Девочка уселась на мусорный ящик в дальнем углу школьного двора и раскрыв рот смотрела теперь на Сигмунда, который стоял перед ней и читал.

Маркус находился в нескольких метрах и делал вид, что ищет что-то в рюкзаке, но на самом деле он ловил каждое слово, хотя это было не нужно. Он и так знал все наизусть. Если бы он так не нервничал, его бы очень впечатлило, как здорово читал Сигмунд. Почти как артист. Впрочем, это неудивительно, потому что Сигмунд уже не хотел становиться астрофизиком.

Теперь он решил стать актером и даже выступал перед Маркусом, читая сцену катания на олене из «Пер Гюнта». И это не было дурачеством. Сигмунд невероятно вжился в образ, и когда он зарычал, что хочет вонзить нож оленю в горло, то посмотрел на Маркуса таким взглядом, что тот подумал, будто Сигмунд собирается вонзить нож для масла в него. И теперь друг читал не хуже. Тихо и увлеченно, буравя Эллен Кристину пристальным взглядом. Маркус был уверен, что видит, как по ее щекам сейчас стекают две слезинки. Он едва сам не заплакал, так прекрасно звучало то, что он слышал.

«Молодой человек осторожно провел рукой по правому ушку русалки. “Знаешь, – сказал он нежно, – я влюбился в твои уши”. Они были вдвоем. Их дети отправились в путешествие на коралловый риф. Дети были замечательными, вечно полными задора. Внешность они унаследовали от матери, а жажду приключений – от отца. Она улыбнулась ему, но ничего не ответила.

“Я говорил тебе, что они похожи на мидий?” – прошептал он.

Она кивнула. Мокрые волосы струились вниз, как хвост медузы, только они не были ядовитыми. Она была не просто русалкой. Она была совершенством, морской принцессой, и она принадлежала ему.

“У меня для тебя есть подарок”, – сказал он ласково.

“О, Сигурд!”

Он достал две белоснежных жемчужины из кармана плавок.

Прекрасная русалка вскрикнула от восторга и захлопала в ладоши. Ее движения были медленными и скользящими, и он никак не мог на них насмотреться.

“Жемчужины? Мне?!”

“Да, – прошептал он. – Жемчужины тебе, моя возлюбленная маленькая мидия”.

Он аккуратно закрепил их на ее ушах и взял русалку за руку.

“Мы куда?” – тихо спросила она.

“Далеко и еще дальше, – спокойно ответил он. – До самого горизонта, туда, где восход сливается с морем”».

Сигмунд быстро, немного неуклюже потер глаза, но Маркус знал, что это движение продумано заранее. Холодный расчет. Сигмунд улыбнулся Эллен Кристине задумчиво и несколько смущенно.

– Да, – весело проговорил он, – такое вот сочинение. Как тебе?

– Оно... просто... потрясающее, – прошептала Эллен Кристина.

– Оно написано для тебя, – тихо заметил Сигмунд.

– Что?

– Оно воспекает твои уши.

Маркус почувствовал, что покрывается испариной. Не зашел ли Сигмунд слишком далеко?

– Мои уши?

– Да, у тебя самые красивые уши на свете.

– Правда?

Голос Эллен Кристины стал таким тихим, что Маркус едва расслышал, что она говорит.

– Да, Эллен Кристина, – кивнул Сигмунд, – они похожи на мидий.

Он все еще улыбался. Пару секунд Эллен Кристина сидела абсолютно неподвижно. Потом она подалась чуть вперед, быстро поцеловала Сигмунда в щеку, прыгнула с мусорного ящика и побежала через школьный двор к Муне, которая стояла у велосипедной стойки.

– Ой, – сказал Маркус.

Сигмунд обернулся. На щеках у него разгорались красные пятна, взгляд блуждал.

– По-моему, ей понравилось, – задумчиво произнес он.

– Да, я заметил. Но почему?..

– Мне кажется, я смог передать текст вполне достоверно.

- Да, но...
- Не сентиментально, но и не сухо. Ты заметил, как я был проникновенен?
- Да, Сигмунд. Но разве мы не договаривались?..
- И в то же время я совершенно расслабился. В этом весь секрет, Маркус. Надо, чтобы искусство захватывало зрителя, а не актера. Я использую ту же технику, что Леонардо Ди Каприо.
- Ну да, понимаю. Но почему ты не сказал, что это написал я?!
- Сигмунд удивленно посмотрел на друга:
- Ты что, с ума сошел? Я бы все испортил!
- Да, но...
- Как актер я понял одну вещь, – сказал Сигмунд и мечтательно огляделся, – никогда не раскрывай публике своих секретов.
- Но весь смысл был именно в этом!
- В чем?
- Что, если ей понравится, ты скажешь, что написал сочинение я!
- Разве?
- Да!
- Сигмунд снова обрел привычный вид.
- Скажу завтра, Макакус. Предоставь мне возможность хотя бы еще несколько часов вкушать радость успеха.
- Ладно, – пробормотал Маркус, – но завтра ты скажешь!
- Сигмунд кивнул.
- Точно?
- Сигмунд снова кивнул.
- Далеко и еще дальше, – сказал он спокойно. – До самого горизонта, туда, где восход сливается с морем.

Глава вторая

– Пап, ты когда-нибудь влюблялся?

Маркус с отцом стояли под деревьями и переводили дух. Они начали по утрам вместе бегать по лесу, расположенному прямо за домом. Собственно говоря, Маркусу не нравилась эта идея, но он хотел угодить отцу. Он знал, что папе очень важно чувствовать себя не просто родителем, а товарищем и что у него есть тайная мечта: он, Маркус, когда-нибудь будет бегать так хорошо, что станет олимпийским чемпионом. Монс сам когда-то мечтал стать великим спортсменом, но лучшим его результатом было пятое место на окружных соревнованиях по бегу на дистанции шестьдесят метров. Теперь отец, не в силах отдышаться, стоял под деревом потный и невероятно счастливый.

– Влюблялся? Естественно! – ответил он и громко рассмеялся. – Я чуть с ума не сошел, так был влюблен! И ты должен быть очень счастлив, потому что иначе ты не появился бы на свет.

Отец по-товарищески подмигнул Маркусу. Очевидно, вопрос, заданный сыном, ему очень понравился. Утренняя пробежка с лучшим другом! Капельки пота на лбу. Еловые иголки в волосах. Испачканные кроссовки. Лес и мужской разговор. Yes, sir¹.

– Я имею в виду не маму. До нее ты влюблялся?

– До мамы? – Монс стер пот со лба. – Нет... Д-да... Когда я ходил в гимназию, была там одна девочка, которая... Но из этого ничего не вышло. Она гуляла с Гуттормом.

Маркус знал, что Гутторм в детстве был лучшим другом отца. Он определенно пользовался у девушек популярностью. «В точности как Сигмунд», – подумал Маркус и почувствовал легкое покалывание в боку. Пока они бегали, прихватило, и теперь опять началось, хотя он стоял спокойно. С такими вещами никогда не знаешь, когда они начнутся.

– Только одна?

Монс снова вытер со лба пот.

– Да, только одна, – весело ответил он. – Я, как говорится, никогда не был дамским угодником. А ты к чему об этом спрашиваешь?

– Просто так.

– Маркус?

– Да, папа.

– Ты влюбился?

Маркус молчал изо всех сил. В ногах гудело.

– Нет, – пробормотал он, – вовсе нет.

– Значит, ты был влюблен?

«Одна ложь – еще ничего, но две – становится привычкой», – подумал Маркус.

– Было дело, – сказал он как можно более невозмутимо.

– И нечего стесняться! Это совершенно естественно.

– Ага, – пробормотал Маркус, – пожалуй.

– Она красивая?

Маркус кивнул и подумал, что лучше бы он ни о чем папу не спрашивал. Монс, наверное, самый любопытный отец на свете, и наверняка так просто от него не отделаешься. Сейчас пойдут вопросы о возрасте, цвете волос, цвете глаз, росте и весе...

– А как ее зовут?

– Да я и не помню, – ответил Маркус.

– Не помнишь? – удивленно переспросил Монс.

¹ Да, сэп (англ.).

Маркус покачал головой.

А что ему сказать? Что ее зовут Эллен Кристина, Беате, Карианна, Муна, Хильда, Ханна, Турид, Эллен, Лисе, Анне Берит, Хайди, Трюде, Элисабет, Тереза и опять Эллен Кристина? Папа подумает, что его сын болен, и это, впрочем, не так далеко от истины. Болен от любви. По-идиотски! Ненасытно! Отчаянно! Всеядно! Похотливый Маркус! Маленький мартовский кот Маркуша – вот кто он такой!

Маркус подумал, что, может, заболевание у него наследственное, но оказалось, что Монс был влюблен только в одну девочку до мамы, а та, в свою очередь, была девушкой Гуторма. Также очевидно, что от мамы он не мог унаследовать свою болезнь. Мама была такой уютной, спокойной и в то же время надежной... Нет, ни мама, ни папа не страдали от этой ужасной любовной болезни. Только *он*.

– А после?

Этот вопрос был последней каплей, но Маркус не сдавался.

– После чего?

– После мамы. Ты влюблялся в кого-нибудь после мамы?

Монс вынул сосновую иглолку из волос и теперь ковырял ею в зубах.

– Нет, ни в кого, – сказал он и посмотрел сквозь деревья, – после мамы я ни в кого не влюблялся.

Они все еще переводили дух. Теперь молча. Маркус подумал, что в некоторые дни осень ощущается особенно остро. Он глядел на отца, который все наклонялся и наклонялся к ноге, упертой в дерево. Из-под красной спортивной куртки виделась полоска белой кожи. «Отец потолстел», – подумал Маркус. Когда мама была жива, он был стройнее. Монс встал обеими ногами на землю и посмотрел на Маркуса. Тот находился сейчас где-то далеко, путешествуя в своих мыслях. Но теперь вернулся.

– Ты знаешь, почему я влюбился в маму? – весело спросил Монс.

– Нет.

– Из-за ее указательного пальца.

Маркус замер в ожидании.

– Ты помнишь, что у нее на правом указательном пальце не хватало фаланги?

Маркус кивнул.

– Она в детстве прищемила его в дверях.

– Да, я знаю, – кивнул Маркус и почувствовал, что по спине побежали мурашки.

– Мама мне об этом рассказала, когда пришла устраиваться на работу. «Я не могу его сгибать, – сказала тогда она, – но тем не менее неплохо печатаю на машинке», – и показала мне палец.

– Что?

Монс звонко рассмеялся.

– Нет, не в этом смысле! Она показала мне указательный палец, а я потрогал его и сразу все понял.

– Что ты понял, папа? – спросил Маркус, внутренне торжествуя.

– Я понял, что именно эта женщина станет твоей мамой.

Монс вытянул руку в сторону Маркуса и осторожно вытащил несколько иглолок из его волос.

– Наперегонки! – крикнул Маркус. – Кто первым добежит до камня! На старт, внимание, марш!

Он сорвался с места и услышал за спиной голос отца:

– Давай! Но на этот раз я тебя, чемпион, обгоню!

«А в некоторые дни осень ощущается не так уж и сильно», – подумал Маркус.

Маркус так нервничал, что начал переминаться с ноги на ногу. Сегодня Сигмунд должен сказать Эллен Кристине, кто на самом деле написал сочинение. Он рассчитывал, что раз она уже знает, кто был русалкой, то она догадается, кто – молодой человек. И если Сигмунд прав, это растопит сердце Эллен Кристины и Маркусу достанутся ее прекрасные ушки. Может, даже и навечно. Но тут он засомневался. Он почувствовал, что хочет в туалет. Такое с ним часто случалось от волнения. А может быть, ей понравилось сочинение и теперь она думает совсем о другом, а вовсе не о прекрасных русалочьих ушах? О хвосте, например. Наверно, не так уж это здорово, когда тебя сравнивают с существом, похожим на рыбу. А как насчет косяка чешуйчатых деток? Безусловно, Сигмунд прав. Никто не может родить косяк рыб, а если и родит, то это совсем не смешно, по крайней мере для матери. Может, она посчитала, что все это затеяно как тонкая насмешка. И что он будет делать, если она действительно в него влюбится? Поведет за собой? Поцелует ее? Искушает? Где и как? И о чем ему с ней говорить? Собственно говоря, он никогда не отличался великолепным умением говорить с девушками, в которых влюблялся. Как правило, ему вообще не удавалось ничего сказать, а если вдруг и удавалось, то голос становился каким-то странным и писклявым. Не очень-то похоже на Леонардо Ди Каприо... Скорее на Дональда Дака. А *этот* голос обычно не производил на девушек нужного впечатления. Он взглянул на Сигмунда.

– Сегодня все решится, – сказал Маркус и заметил, что говорит уже почти как Дональд. Сигмунд смотрел в сторону школы. У него был какой-то отсутствующий взгляд.

– Знаешь, – мягко проговорил он, – что я влюбился в твои уши?

– Чего?!

Сигмунд задумчиво посмотрел на друга.

– Ты прав, Макакус, у нее определенно недурные ушки.

Когда они пришли в школу, Эллен Кристины не было. Муна сказала, что у нее температура и она должна сидеть дома минимум три дня. Сперва Маркус испытал облегчение, но оно продолжалось недолго. Почему она заболела именно сейчас? Неужели сочинение было таким потрясающим, что все ее тело запылало и теперь жар страсти приковал ее к постели? Какое же будет разочарование, когда она узнает, что его написал маленький бабник с утино-мультишным голосом Дональда. Маркус почувствовал усиливающуюся тяжесть в животе и бегом припустил в туалет. Там он пробыл какое-то время. Когда же вышел, Сигмунд все еще разговаривал с Муной.

– Ну да, – соглашался он, – конечно.

– Конечно – что? – спросил Маркус.

– Дам ей копию сочинения, – ответил Сигмунд, – сегодня днем я зайду к ней домой.

– А-а, – равнодушно заметил Маркус, – ей что, понравилось?

Муна улыбнулась. Кстати, у Муны очень красивые зубы.

– Она в жизни ничего прекраснее не слышала. И попросила Сигмунда зайти и прочитать сочинение еще раз.

– С превеликим удовольствием, – произнес Сигмунд голосом Леонардо Ди Каприо.

– А ты не боишься заразиться? – сипло спросил Маркус.

– Боюсь, – спокойно ответил Сигмунд, – но шанс надо использовать.

– Очень мило с твоей стороны, Сигмунд, – опять улыбнулась Муна.

Маркус заметил, что один из ее передних зубов чуть кривоват.

– Привет ей от меня, пусть поправляется, – крикнул он.

Муна посмотрела на него:

– Ты что, тоже простудился, Макакус?

– Кхе, кхе, – прокашлялся Маркус и подумал, что, наверно, стоит помолчать.

Тут, по счастью, раздался звонок на урок.

- Привет.
Сигмунд стоял перед входной дверью и как-то странно, по-дурацки, улыбался.
- Ну что, ты был у нее?
– Да.
– Как все прошло?
– Хорошо.
Монс выглянул из гостиной.
– Привет, Сигмунд, это ты?
– Да, я, господин Симонсен, – вежливо ответил Сигмунд. – Я – это я, а вы – это вы. Таким образом мы отличаем людей друг от друга.
Монс пробормотал что-то невнятное и вновь исчез за дверью гостиной.
– И что она сказала? – спросил Маркус.
– Сказала спасибо.
– Когда?
– Когда я отдал ей сочинение.
– Нет, я имею в виду, когда ты сказал, что это я его написал.
Сигмунд уставился на коврик у двери.
– Ну-у... – затянул он.
– Ну?
– Так получилось... – сказал Сигмунд и почесал щеку. Похоже, он смутился.
– Ну, скажи, – требовал Маркус, – она меня не любит?
– Не-е-е-е-а... – опять затянул Сигмунд. На его лице снова появилась эта дурацкая улыбочка. – В общем, дело в том, что она... любит меня.
Маркус почувствовал дрожь в коленях.
– Тебя?!
– Да, Маркус. Извини.
Что-то не похоже, что он искренне сожалеет.
– Как, за что это она любит тебя?
– Думаю... – задумчиво начал Сигмунд, – все дело в личности.
– А как же сочинение?
– Полагаю, оно лишь способствовало раскрепощению ее чувств, – дружелюбно заметил Сигмунд. – Большое тебе спасибо.
– Спасибо за что?
– За то, что подарил нас друг другу.
– Подарил вас друг другу?! – вскрикнул Маркус. – Ведь это я... Ты же сказал, что она влюбится в меня, когда ты расскажешь, что это я написал сочинение!
– Ну, так получилось, – повторил Сигмунд. – Я, в общем, не сказал ей, кто написал сочинение.
– Что?
– Я испугался, что такая новость разобьет ей сердце.
– Ты что несешь?
– Она ведь уже была в меня влюблена, так? Если бы я сказал, что сочинение написал ты, она бы почувствовала себя виноватой из-за того, что не может ответить на твои чувства.
Маркус молча смотрел на Сигмунда.
– Она очень чувствительна, Маркус. У нее душа разорвалась бы от противоречий – между любовью ко мне и чувством вины перед тобой. Ведь она не может тебя полюбить. А я знаю, что ты не станешь подвергать ее такому испытанию. Кто-кто, а ты точно не станешь. Да и еще...
Маркус промолчал. Он знал заранее все, что скажет Сигмунд.
– Я тоже ее люблю, и ты в этом виноват, – сказал он с упреком.

– Я еще и виноват?!

– Да, – ответил Сигмунд, – а кто обратил мое внимание на ее уши?

Он положил Маркусу на плечо руку. Она весила пару тонн.

– Большое тебе спасибо, Маркус.

Маркус хотел так много всего сказать. Он стоял лицом к лицу с самым мерзким подонком на свете. Подлый предатель, на которого он надеялся и которому так доверял. Гад, позабывшийся на чужое добро. Больше всего ему хотелось заплакать, но глаза оставались сухими. Сердце сковал железный обруч, а вместо мыслей завывла черная пустота.

– Огромное тебе спасибо, мерзавец, – прошипел он и захлопнул перед носом бывшего друга дверь, чтобы не видеть его предательских глаз.

Глава третья

Маркус проснулся с чувством, будто что-то не так. Сначала он не мог понять, что именно, но потом внутри у него все оборвалось. Сигмунд! Предатель Сигмунд! Предатель и паразит! Он потерял лучшего друга. Детство закончилось. С этого момента жизнь станет нескончаемой и ужасной борьбой. Борьбой за женщин. И в ней, в этой борьбе, дружба уже не играет никакой роли. Все средства хороши. Все подлости разрешены. Здесь царит закон джунглей. А он – одинокий зверь. Маркус закрыл глаза. Он хотел заснуть. Лет так на сто. Он попытался ни о чем не думать, но не вышло. Дурацкая улыбочка Сигмунда проникла прямо в мозг, а зловонная пасть, ее изображающая, проглотила все мысли. Они дружили десять лет. И эти десять лет были замечательными. Будучи маленькими, они играли вместе, а когда Сигмунд мечтал стать астрофизиком, он рассказывал Маркусу много интересного о Солнечной системе. Они организовывали тайные клубы, и когда Маркуса дразнили за его неуверенность в себе, Сигмунд всегда защищал друга. Словом и делом. «Словом и делом». Типичное выражение Сигмунда. Маркус сам никогда так не сформулировал бы. Их дружба была настолько крепкой, что Сигмунд стал практически частью его самого. Даже теперь, после этого мерзкого предательства, он продолжает думать, как Сигмунд: «Словом и делом». Нет, теперь все кончено. Теперь он остался один, а Сигмунд оказался совсем в другом месте и высасывал грязь из ушей Эллен Кристины. Эллен Кристина и ее смешные уши! Мидии? Чушь, цветная капуста! Улитка! Волнушка! Goodbye love².

Странно, но он почувствовал легкий укол совести. Он впервые подумал об Эллен Крестине. Она как-то отошла на задний план. Мысли о Сигмунде затмили мысли о любви.

– Я же не Сигмунда люблю, – прошептал он.

– Что-что? – Чтобы разбудить сына, в комнату вошел Монс.

– Я не люблю Сигмунда, – повторил Маркус громко.

– В самом деле? – сказал отец и поставил стакан с молоком на столик у кровати. – Почему ты так говоришь?

– Я разговаривал сам с собой, – пробормотал Маркус и взял стакан.

Отец постоял немного, глядя на Маркуса с некоторым беспокойством. Казалось, будто он думает, что сказать, однако произнес только:

– Молоко холодное.

Но Маркус уже отвернулся к стене.

– В любом случае уже утро, – тихо сказал отец и тихонько вышел из комнаты.

Как Маркус и полагал, день обернулся кошмаром. Хотя он вышел из дому на десять минут позже обычного, Сигмунд все еще ждал его на перекрестке. Будто наступил самый обычный день. Он еще и улыбается!

– Привет, Макакус! – поздоровался предатель. – Как жизнь?

Маркус не отвечал, он равнодушно посмотрел на дерево у дороги, споткнулся о камень, упал, выставил вперед руки, потом вскочил на ноги и заковылял дальше с подвернутой ногой как можно быстрее. Было очень больно, но он молчал.

– Ты не ударился? – Сигмунд догнал его и протянул руку, чтобы помочь.

Секунду Маркус думал, не плюнуть ли ему на руку, но сдержался. Это значило бы показать чувства, а Маркус решил больше ни за что на свете не показывать Сигмунду никаких чувств. Чувства относились к людям, а Сигмунд – не человек. Он – воздух. Нет, даже не воздух. Ходячий кусок мяса, загрязняющий воздух, которым дышит Маркус.

² Прощай, любовь (англ.).

– Больно?

Маркус прикусил губу. Если прикусить достаточно сильно, то, может, станет так больно, что он забудет про ногу. Не забыл. Теперь болели и губа, и нога. Лучше бы уж шел он своей дорогой. Прочь от фальшивого сострадания со стороны «куска мяса»! Жаль, невозможно. Нога, конечно, скоро опухнет, и если он будет продолжать идти, станет еще хуже. Наверное, ее придется ампутировать. Впрочем, это не имеет значения. Если им так хочется, они его могут ампутировать хоть целиком.

– У тебя кровь на губе!

Маркус смотрел под ноги, но взволнованное лицо Сигмунда, словно соринка, торчало в уголке его глаза. Хорошо бы надеть на глаза шоры, тогда он видел бы только то, что хотел.

– Маркус, скажи что-нибудь!

Он остановился и обернулся к надоедливому «куску мяса».

Секунду они смотрели друг другу в глаза. Маркусу стало дурно. Будто он стоял на самом краю обрыва и смотрел вниз на реку. И так захотелось туда упасть... Он чуть не ухватился за Сигмунда, чтобы не свалиться, но все-таки удержался на ногах и произнес сухим, отстраненным голосом:

– Ты кто?

– Что? – Сигмунд посмотрел на него в полном недоумении. Потом улыбнулся. – В философском смысле?

«Иногда самые умные оказываются самыми тупыми», – подумал Маркус. Сигмунд умел считать, умел анализировать, обсуждать, но он ничего не понимал.

– В таком случае, – продолжал Сигмунд, – должен сказать, что я...

– Ты ничего мне не должен, – сказал Маркус и снова уставился под ноги. – Я тебя не знаю.

Невдалеке он заметил Эллен Кристину. Она стояла на тротуаре и смотрела на них. Нет, не на них. На Сигмунда. «Уши из цветной капусты и кусок мяса». Самая глупая на свете парочка. Надо бы написать про них сочинение, в конце которого оба окажутся в мусорном баке. Она помахала рукой. Уголком глаза Маркус заметил, как Сигмунд покраснел, пробегая мимо Маркуса навстречу Эллен Кристине. Казалось, он даже смутился, но Маркус знал, что это не так. Просто Сигмунд был влюблен. Впрочем, теперь это не играло никакой роли. Смущен он или влюблен. Глуп или умен. Расстроен или доволен. На свете живут миллиарды людей, которых Маркус не знает. Одним больше, одним меньше – какая разница?! Он снова побрел по дороге. Нога больше не болела. Теперь болела голова. Вот Эллен Кристина взяла Сигмунда за руку. Скоро они начнут целоваться, а потом... что и похуже. Может, она даже забеременеет. Замечательный заголовок для желтой прессы: «Малолетка залетела от нахала ровесника». Догадайтесь, кто здесь и не думает защищать своего бывшего друга?

«К сожалению, этот тип всегда был на редкость скользким, – высказался Маркус Симонсен в эксклюзивном интервью нашему журналу, – его стоило бы давным-давно кастрировать. Собственно говоря, он – нимфоман».

Маркус даже всхлипнул, наблюдая за тем, как Сигмунд вместе с Эллен Кристиной исчезают за школьными воротами прочь из его жизни.

Маркус и Сигмунд сидели за двумя последними партами в ряду у окна. Это были их места еще с младших классов. Парты закрепились за ними, и никто не протестовал, когда Сигмунд попросил занять те же места в средней школе.

Они не шумели и мало разговаривали друг с другом во время уроков, зато придумали себе особое развлечение. Маркус посылал Сигмунду тайные сигналы, тыча его в спину карандашом, а Сигмунд отвечал тем, что наступал Маркусу на ногу, которую тот вытягивал под партой. Иногда они обменивались записками. Они разработали изысканную технику, благодаря которой никто не мог обнаружить их общения. Так они убивали время даже на уроках у Дарре

Хансена, таких скучных, что половина класса просто начинала храпеть, а не петь, как полагалось: «Братец Яков, братец Яков, спишь ли ты?»

Сегодня Маркус сидел, убрав ноги под стул, и наблюдал, как Сигмунд пытается дотянуться до них. Когда он уже почти дотянулся, Маркус спрятал ноги еще глубже. Сигмунд наклонился вперед, держась за парту, и вытянул ноги назад как можно дальше. Маркус чуть отодвинулся, и Сигмунд вытянул еще. Эллен и Турид, которые сидели рядом, заметили происходящее. Теперь они наблюдали за Сигмундом и тихонько посмеивались. Учитель английского Бьяртмар Воге тоже заметил, что в дальнем углу происходит что-то странное. Он отвернулся от доски, на которой писал слова, и с интересом посмотрел на мальчика, все больше и больше походившего на прыгуна с трамплина. В классе все замерли. Единственным, кто ничего не замечал, был Сигмунд. Он был слишком занят поиском ног за задней партой, чтобы наконец послать свой сигнал. Воге откашлялся.

– Эй, там, на дальних окраинах! – позвал он.

В этот момент Маркус поднял правую ногу под парту и пнул Сигмунда изо всех сил.

– Ой! – взвизгнул Сигмунд, притянул ногу к себе, опрокинул стул и упал на пол. Подбородком он стукнулся о край парты, а зубы его чуть не откусили кончик языка. – Черт! – завопил он.

– Что-что? – Голос Воге был очень язвительным.

– Ничего. Я психусил исык, – пробормотал Сигмунд.

Эллен и Турид теперь засмеялись громко. Сигмунд покраснел до самой шеи. Маркус посмотрел на Эллен Кристину. Казалось, что она тоже вот-вот засмеется. «Все девчонки одинаковые, – подумал он, – сначала они ходят с тобой под ручку, а потом смеются над тобой за твоей же спиной. И он еще был в нее влюблен. Тьфу! Good luck in hell³, Сигмунд».

– Этого можно было бы избежать, если бы ты сидел нормально, – заметил Воге.

Сигмунд кивнул. Маркус сделал вид, что не заметил грустного собачьего взгляда, посланного ему «куском мяса».

– Девятнадцать и пять⁴, – прошептал Райдар.

Кто-то хихикнул.

– Нет, – громко сказал Маркус, – девять и пять. Он упал.

Даже Воге засмеялся.

– Funny, Markus, – сказал он. – Don't you think Markus is a funny guy, Sigmund⁵.

– Yes, he is very funny⁶, – кивнул Сигмунд. Он не смеялся.

– Okey, folks, – сказал Воге. – Can you give me some other words for funny?⁷

И пока класс шумел и голоса выкрикивали «amusing, hilarious, humorous, diverting, entertaining, droll» и прочие более и менее правильные английские синонимы слова «смешной», Сигмунд что-то написал на бумажке, уронил ее на пол и толкнул назад, Маркусу, который ее тут же поднял.

– Я нашел на полу записку, – сказал Маркус учителю.

– Да? – с интересом отозвался Воге. – Сегодня и в самом деле очень интересный урок. – An interesting lesson, – добавил он, потому что ни на минуту не забывал, что находится здесь, чтобы обучать юных оболтусов английскому. – Give it to me, Markus⁸.

³ Удачи в аду (англ.).

⁴ Оценка за прыжок с трамплина. Высшая – двадцать – Примеч. пер.

⁵ Не кажется ли тебе, Сигмунд, что Маркус очень забавный парень? (англ.).

⁶ Да, он очень смешной (англ.).

⁷ Ладно, ребята. Можете привести другие слова, означающие «смешной»? (англ.).

⁸ Дай ее мне, Маркус (англ.).

Маркус встал и подошел к доске. Сигмунд склонился над партой и обхватил голову руками.

- Вот, пожалуйста.
- In English, Markus⁹.
- Here, please¹⁰.

Воге строго посмотрел на Маркуса, но решил сделать вид, что мальчик не дурачится, а просто плохо знает английский.

- Let me see¹¹, – сказал он медленно и развернул записку.

На него все смотрели с напряженным ожиданием. Все, кроме Сигмунда, который скукожился за партой.

– «Ты по-прежнему мой лучший друг». – Воге, задорно прищурившись, оглядел класс. – Это мне?

Маркус почувствовал, как кровь приливает к голове. В висках стучало.

- Наверное, – сказал он спокойно, – но это не я написал.
- Правда? – дружелюбно переспросил Воге. – Тогда я хотел бы узнать, кто здесь мой тайный друг?

Сигмунд медленно поднялся:

- Это я написал, господин учитель. Но не вам, а Маркусу.
- Вот как? – сказал Воге и сделал вид, будто крайне разочарован. – Значит, Маркус – твой лучший друг?

– Да, – спокойно ответил Сигмунд. – Маркус – мой лучший друг. И будет им до конца жизни.

– Ага, – дружелюбно заметил Воге, – очень приятно, мальчики, что вы дружите, но я оценю это еще сильнее, если вы будете выяснять отношения во время перемены. А теперь, Маркус, можешь нам привести несколько английских вариантов слова «дружба»?

Пульс в висках стучал, как пулемет. Каким-то образом все вдруг стало абсолютно неправильно. Никто не смеялся. Все просто сидели и смотрели на него с презрением, будто мерзавцем был он, а не Сигмунд.

- Ну, Маркус?
- Что?
- Друг. По-английски. Мы когда-нибудь услышим твой голос?

Его голова совершенно опустела. И было абсолютно невозможно припомнить ни единого «друга» ни по-английски, ни по-норвежски. В отчаянии он смотрел в класс, но ни одна зараза не желала ему помогать. Нет, одна желала, конечно.

- Pal, – серьезно проговорил Сигмунд. – Markus is my pal¹².
- Very good, Sigmund, – сказал Воге, – more¹³?
- Comrade, – добавил Сигмунд. – Markus is my pal and my comrade¹⁴.
- Yes, – сказал Воге.
- Mate, – добавил Сигмунд.
- Yes.
- Buddy, partner, companion.
- Excellent¹⁵.

⁹ По-английски, Маркус (*англ.*).

¹⁰ Букв.: здесь, пожалуйста (*англ.*).

¹¹ Дай посмотреть (*англ.*).

¹² Маркус – мой приятель (*англ.*).

¹³ Очень хорошо, еще? (*англ.*).

¹⁴ Товарищ, Маркус – мой приятель и товарищ (*англ.*).

¹⁵ Отлично (*англ.*).

– One person joined to another in intimacy benevolence independently of sexual and family love¹⁶, – сказал Сигмунд.

– Yes! – восхищенно воскликнул Воге. – Perfect!

– Friend, – тихо сказал Сигмунд, – Markus is my best friend¹⁷.

– And a very lucky boy he is too¹⁸, – заметил Воге и положил руку Маркусу на плечо. – Okey, boys and girls. I want every one of you to write me a little story about friendship¹⁹.

Маркус смотрел в пол, шагая к своему месту, и понимал, что не только Сигмунд, а весь класс сейчас на него смотрит. Вес дружеской руки Воге до сих пор ощущался в плече.

Он тяжело сел. Потом поднял голову и уставился в спину перед собой. Сигмунд был в синем свитере, который Маркус подарил ему на день рождения. У него самого был такой же, и его старый «pa!» говорил, что этот свитер кажется ему очень крутым. Ни у кого больше не было свитера именно такого цвета, и они носили их как можно чаще. Но сегодня Маркус пришел в рубашке. В желтой рубашке, застежка которой ужасно терла шею. Маркус подумал, что Сигмунд сейчас повернется, поскольку наверняка почувствует его взгляд. Синий свитер уже наклонился над партой. Сигмунд начал писать: «A little story about friendship».

Маркус открыл тетрадь.

«I have no friends»²⁰, – написал он.

Урок подходил к концу. Сигмунд все еще писал. Со страшной скоростью. Маркус посмотрел на собственную историю.

«I have no friends. Have no friends. No friends. Friends».

По крайней мере *маленькая* история. Больше похожая на стихотворение. Может быть, коротковато, зато правдиво. Тем не менее он не был уверен, что Воге такая поэзия может понравиться. Воге наплевать на правду, лишь бы ложь была написана на хорошем английском. Впрочем, Маркусу все равно. Он здесь не для того, чтобы понравиться учителю. Он здесь, потому что его заставили, хотя сам он с большим удовольствием отправился бы сейчас на Северный полюс. На лыжах. Один.

Он поднял руку.

– Yes, Markus.

– Можно мне пересесть?

Спина перед ним дернулась, но Сигмунд не обернулся.

– Зачем?

– Ну, не знаю...

Воге посмотрел на него с легким раздражением.

– Раз не знаешь, тогда оставайся сидеть, где сидишь. Where you sit, – добавил он в педагогических целях.

– Я думаю... – начал Маркус.

– What do you think, boy?²¹ – спросил Воге и подмигнул Перу Эспену, сидевшему прямо перед кафедрой за первой партой. – What do you think Markus thinks, Per Espen?²²

– Понятия не имею, – ответил Пер Эспен.

– What?

– I don't know, – поправился Пер Эспен.

– Good.

¹⁶ Один человек, соединенный с другим тесными отношениями, независимо от сексуальной или семейной любви (англ.).

¹⁷ Маркус – мой лучший друг (англ.).

¹⁸ И еще очень счастливый мальчик (англ.).

¹⁹ Хорошо, мальчики и девочки. Я хочу, чтобы каждый из вас написал мне небольшую историю о дружбе (англ.).

²⁰ У меня нет друзей (англ.).

²¹ Что ты думаешь? (англ.).

²² Как ты думаешь, что думает Маркус, Пер Эспен? (англ.).

– Я думаю, у меня что-то со слухом, – сказал Маркус.

Воге посмотрел на него с изумлением:

– Что ты сказал?

– Что? – переспросил Маркус.

– Что ты сказал? – повторил Воге.

– Я сказал «что», – сказал Маркус.

– Что? – спросил Воге.

– Да, – ответил Маркус.

Воге казался сбитым с толку.

– Я слышал, что ты сказал «что». Я спрашивал, что ты сказал до того, как сказал «что»?

Маркус вытер пот со лба.

– Извините, – сказал он. – Я что-то плохо слышу.

– Ах вот как. – В голосе Воге звучало беспокойство. – И как давно?

Маркус подумал, не стоит ли спросить «что» еще раз, чтобы подчеркнуть серьезность своей проблемы, но решил, что лучше обойтись без этого. А то Воге может подумать, что он совсем оглох, и отправит его к врачу.

– Не так давно, – пробормотал он. – Но в последнее время становится хуже.

– А ты был у врача?

Ну вот, все равно началось. Маркус покачал головой.

– Ты отцу говорил?

– Все не так страшно. Я только чуть-чуть плохо слышу.

– Здесь нечего стесняться, Маркус.

– Я и не стесняюсь.

– У меня есть знакомый отоларинголог.

– Кто?

– Врач. Ухо-горло-нос. Может, мне даже удастся записать тебя на прием в ближайшие дни.

– Фух! – вздохнул Маркус. – Все прошло. Теперь я снова нормально слышу.

Но пути назад не было. Маркус поменялся местами с Пером Эспеном, который только обрадовался. Свободы на задних партах всегда больше.

– А здесь ты лучше слышишь? – спросил Воге.

Маркус кивнул.

– Отлично. Тогда, будь добр, прочти свою историю всему классу.

– Что?

Воге посмотрел на него с беспокойством. Похоже, все было гораздо серьезнее, чем он думал.

– Ты все еще не слышишь, что я говорю?

Маркус вскочил.

– Да нет, – сказал он, – я все замечательно слышу.

Воге понимающе улыбнулся.

– Приятно слышать, – сказал он. – Пожалуйста.

Маркус взял тетрадь.

– I have no friends, – начал он...

День был наполнен одиночеством. Никто не посылал ему сигналов на уроках и никто не общался с ним на переменах. Сигмунд ходил вместе с Эллен Кристиной, которая висла на нем, как тряпка. Маркус делал вид, что не замечает их, и в то же время пытался наслаждаться несчастным взглядом, которым периодически смотрел на него «кусочек мяса». Когда Райдар попытался его дразнить, Маркус сделал вид, что не слышит, а Анне Берит яростно

шептала Райдару, что тот поступает по-свински. Потому что Маркуса жалко. С этим он, в сущности, согласен. Маркус смело улыбнулся Анне и подумал, что у нее вообще-то очень красивый шепот.

Наконец прозвенел финальный звонок. Маркус в одиночестве пересек школьный двор и вышел за ворота.

– Маркус!

Это была Муна.

– Что случилось? Не грусти.

– Разве я грущу?

– Это пройдет. Вы снова станете друзьями. Совершенно точно.

Она улыбнулась.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросил он.

– Вы с Сигмундом. И тогда ты снова будешь хорошо слышать, да?

Она опять улыбнулась. Ее кривоватый передний зуб был ослепительно белым. Белоснежным.

Глава четвертая

– Почему ты мне сам ничего не сказал, Маркус?

Отец посмотрел на него как-то уж очень обреченно. Они сидели за кухонным столом и ели молочный суп. Нельзя сказать, что это было любимое блюдо Маркуса, но сегодня ему все равно, чем набивать желудок. У любой еды был бы вкус молочного супа.

– У меня просто уши слегка заложило, папа. Правда. Теперь все в порядке.

– Когда звонил Воге, он описал все совсем не так. Он сказал, что проблема оказалась настолько серьезной, что ему пришлось пересадить тебя за первую парту. Мне показалось, что он считает меня плохим отцом.

– Что?

Монс посмотрел на него с беспокойством.

– Нет, я не имел в виду «что», – быстро сказал Маркус. – Я слышал, что ты сказал. Это правда, пап. В жизни не слышал лучше, чем сейчас. Очень вкусно! – сказал он и налил добавки супа.

– Может, он и прав, – рассеянно заметил Монс. – Может, я стал странным старым вдовцом, думающим только о себе.

– Ты совсем не такой уж старый, папа. Тебе даже пятидесяти еще нет!

– Если б твоя мать была жива, она бы уже давным-давно все заметила.

– Тут нечего замечать!

– Женщины заботятся о своих детях, а мы, мужчины, пускаем все на самотек. Я не знал, что у тебя проблемы со слухом, пока какой-то учитель не рассказал мне об этом. Мне нечем гордиться, Маркус.

– У меня нет проблем со слухом! Это Воге все неправильно понял!

– Незачем меня утешать, Маркус. Не *меня* надо жалеть.

Маркус сдался. Проблема с отцом состояла не в том, что Монс не заботится о сыне, а наоборот, этой заботы проявлялось слишком уж много. И Маркус не знал теперь, что с ней делать. Он надеялся только на то, что папа так далеко зашел в самобичевании и уже вовсе забыл про уши. К сожалению, надежды не оправдались.

– Но теперь в нашем доме все изменится, – сказал Монс. – Я... Воге договорился о приеме у врача. Сегодня днем.

– Что?

– СЕГОДНЯ ДНЕМ, – сказал Монс, проговаривая каждую букву.

Маркус оттолкнул тарелку. Теперь пути назад совсем не осталось. Монса так захватила забота о сыне, что выскользнуть не удастся. А впрочем, все равно. Врач обнаружит, что с его слухом все в порядке, и все устаканится. Отец снова будет доволен, Воге, может быть, огорчится, но это пройдет. А Маркус займет свое прежнее место за Сигмундом. Нет, именно этого он и не желал. Он хотел держаться подальше от этого мерзавца в синем свитере с его лживым несчастным взглядом. В этом-то все и дело. Маркус встал из-за стола:

– Спасибо, папа.

– На здоровье, мой мальчик. А где твоя шапка?

– Шапка?

– Да, шапка, – повторил Монс. – ШАПКА.

– Я не ношу шапку в октябре, пап.

– И в этом я тоже виноват, – грустно заметил Монс. – Если бы была жива мама, то...

– Я сейчас найду, – сказал Маркус и скорее побежал в коридор.

– Маркус Симонсен, – произнесла дама, вышедшая в приемную.

Монс вскочил:

– Здесь!

– Пожалуйста, Маркус, – сказала дама и пропустила Монса в кабинет.

Маркус остался сидеть в приемной и слушал голоса из кабинета. Сначала что-то говорила дама, потом Монс, потом дама засмеялась и снова вышла из кабинета.

– Оказывается, Маркус – это ты? – сказала она.

Маркус кивнул.

– Да, а он – мой папа.

– А я подумала, что он – это ты. Твой отец так стремился в кабинет.

– Он просто немного нервничает, – сказал Маркус.

Дама улыбнулась:

– Неудивительно. Не так часто с детьми приходят отцы. Как правило, матери.

– Мама умерла.

Дама немного смутилась.

– Извини.

– Уже очень давно, – сказал Маркус.

Она протянула руку:

– Я – доктор Бюэ. Эллен Бюэ, но ты можешь называть меня просто Эллен. Значит, у тебя проблемы со слухом?

– Нет, – сказал Маркус и зашел за доктором Эллен в кабинет.

Монс сидел на стуле у окна. Когда они вошли, отец вскочил.

– Сидите-сидите, – улыбнулась Эллен Бюэ. – Если, конечно, не хотите подождать в приемной.

Монс отрицательно покачал головой:

– Я лучше останусь с Маркусом. Если позволите, доктор Бюэ.

– Ее зовут Эллен, – сказал Маркус.

– Что? – спросил Монс.

Доктор Бюэ взглянула на него.

– Я сказала Маркусу, что он может называть меня Эллен. И вы тоже, если хотите.

– А-а, – протянул Монс и покосился на приспособление, которое докторша достала из шкафа. – Что это?

– Этот аппарат используется для исследования ушей пациента.

– Надо же, – сказал Монс и почесал правое ухо.

– Расслабься, Маркус. Больно не будет.

– Я знаю, – сказал Маркус.

– Я только посвечу тебе в уши, посмотрю, как там дела.

– Ну да, – сказал Монс. – Ты совсем ничего не почувствуешь... Просто будет немного щекотно.

Отец снова почесал ухо.

– Вы уверены, что не хотите подождать снаружи? – спросила его Эллен.

– Нет, я останусь с Маркусом, – ответил Монс.

– Как хотите.

– Я ж его отец.

– Я понимаю.

– Он немного труслив.

– Неправда, – сказал Маркус.

– Ну, не то чтобы труслив... – поправился Монс.

– Понимаю, – заметила Эллен Бюэ.

– На самом деле он очень мужественный, – сказал Монс.

– Неправда, – возразил Маркус.
– Ну, не то чтобы мужественный... – вновь поправился Монс. – Я имел в виду, что он не боится.

– Понимаю, – сказала Эллен Бюэ.

– Маркус мне не просто сын. Он мой лучший друг.

– Очень приятно, – сказала Эллен Бюэ и посмотрела Маркусу в ухо.

– Ну и как там? – спросил Монс.

– Замечательно, – ответил Эллен Бюэ, – сейчас посмотрим второе.

– Да, конечно, лучше посмотреть, – сказал Монс. – Ну и как там внутри?

– Замечательно и во втором тоже, – тем же тоном ответила Эллен.

– Да, – проговорил Монс, – я так и думал. Маркус моет уши каждый день. И мы этим очень довольны.

– Пробки в ушах не обязательно связаны с нечистоплотностью, – сказал Эллен Бюэ. – Независимо от того, сколько вы моетесь, там может накапливаться много серы.

– Наверно, вам надо верить, – сказал Монс. – А что теперь нам делать?

– Сейчас мы проверим слух.

Маркус выдержал проверку блестяще. Он слышал писк на высоких частотах, низкие шумы и все слова, которые Эллен просила его повторить. Даже когда Монс прошептал словосочетание «презумпция невиновности», он повторил его без проблем, на что Эллен сказала, мол, если у Маркуса проблемы со слухом, то, очевидно, во всем мире нет человека, который бы слышал нормально.

– Ну вот и я папе то же самое говорил, – сказал Маркус. – Просто уши заложило.

Отец, который одновременно испытывал теперь облегчение и усталость, сказал, что он очень рад и тем не менее приятно лишний раз удостовериться в том, что все в порядке.

– Лучше иной раз пораньше зайти к врачу, чем мучиться, когда станет слишком поздно, – сказал он и улыбнулся Эллен. – Теперь мы уверены, что все хорошо, и больше не будем волноваться, правда, Маркус?

– Да, пап, – кивнул Маркус. – Теперь мы можем расслабиться.

– Точно, – весело подхватил Монс, – можем.

– Да, – улыбнулась Эллен Бюэ, – можете.

– Можем, – сказал Монс. – Ну, мы свободны?

Эллен кивнула:

– Да, если у вас нет больше вопросов.

– Нет, это, пожалуй, все, доктор Бюэ, – сказал Монс и почесал ухо.

– Эллен, – сказал Маркус.

– Да, вы можете называть меня Эллен, – дружелюбно подтвердила докторша.

Монс заплатил за прием и протянул Эллен руку.

– Да, какое облегчение, – сказал он. – Большое спасибо... Эллен.

– Не за что. Это моя работа.

– Должно быть, интересная работа? Быть врачом, я имею в виду.

Эллен посмотрела на Маркуса. Взгляд у нее был подозрительно озорной.

– Да, – сказала она, – встречаешь столько интересных людей.

– Да-да, конечно, – закивал Монс и отпустил ее руку.

Она проводила их до дверей.

– Звоните, если что.

– Конечно, – сказал Монс. – До свидания, Эллен.

– До свидания.

– Его зовут Монс, – сказал Маркус.

– Я знаю, – ответила Эллен и закрыла за ними дверь.

– Ну вот видишь, Маркус? Хуже не стало!

Они шли по аллее к парковке. Отец был в великолепном настроении, а Маркус, который на несколько часов забыл и о любовной тоске, и о потерянной дружбе, чувствовал себя не так уж плохо.

– Нет, – сказал он. – Все было в порядке.

– Эллен – хороший врач, тебе не показалось?

– Да, – согласился Маркус. – Очень хороший.

– А ты обратил внимание на ее пальцы?

– Нет. А что?

– У нее невероятно длинные пальцы... Настоящие пальцы врача.

Монс почесал ухо.

– Знаешь, Маркус, – сказал он, – я думаю, а не проверить ли мне самому уши? Порой кажется, что у меня закладывает правое. Думаешь, там пробка?

– Не знаю, пап.

– Может, стоит попросить Эллен проверить?

– Да, думаю, стоит, – сказал Маркус. – Лучше иной раз пораньше зайти к врачу, чем мучиться, когда станет слишком поздно.

– Вот и я так считаю, – улыбнулся Монс и начал насвистывать веселую мелодию.

Глава пятая

Маркус проснулся с мыслью, что он влюбился в Муну. Это случилось во сне. Она пришла к нему и протянула руки. «Ты любишь меня?» – спросила она и улыбнулась, показав полный рот восхитительных, белоснежных и чуть кривоватых зубов. Нитка необработанного жемчуга, спрятанная за алыми губами.

Сон был потрясающим. Настоящее откровение. С глаз словно пелена спала. Во сне Маркус наконец-то ясно все увидел. Он увидел Ее. Женщину всей своей жизни. Муну.

Маркус закрыл глаза и попытался снова заснуть, но, конечно, ничего не получилось. Он услышал, как отец напевает на кухне: «Oh what a beautiful morning»²³. Он и сам, лежа в кровати, замурлыкал этот мотивчик. Утро и в самом деле было замечательным. Даже погода улучшилась. В окно светило солнце. Листья на деревьях колыхались от ветра. Вдалеке орали коты. Воздух словно наполнился любовью. И он сам тоже. Муна, Муна, Муна! Маркус выпрыгнул из постели. Долой пижаму, надеваем трусы... Носки... Футболку... Гип-гип, ура! Какой чудесный день! Oh what a beautiful morning! Где мои брюки, где рубашка? Он застыл посреди комнаты, держа штаны в руках. А что он скажет Эллен Кристине? Она же думает, что он влюблен в нее. В самом деле? Она так не думает. Она же с Сигмундом. А тот понял, что эта влюбленность не привела бы ни к чему, и взял удар на себя. Сказал, что он сам, а не Маркус написал это идиотское сочинение про дурацкую русалку с ужасными ушами. Старый добрый Сигмунд. Настоящий друг, который познался в беде. Да! Верный и умный. Это *он сам* его предал! Но теперь Маркус все исправит. Он попросит прощения у своего лучшего друга, пересядет обратно на свое место, снова начнет посылать привычные сигналы и увлекательные записки и будет вместе с Муной. Он радостно улыбнулся и заметил, что улыбка застыла. Ощущение счастья тут же пропало. Оно было всего-навсего продолжением сна. Только теперь Маркус окончательно проснулся. Тяжелые мысли вернулись. Он будет вместе с Муной? Что это он себе вообразил? Он никогда ни с кем не будет. Он никогда не сможет сказать ей, что любит ее. Он – самый трусливый мальчик на свете. Только один человек может ему помочь... Сигмунд. Но примет ли он извинения? Человек, который предал один раз, может предать снова. Он вырыл яму своему лучшему другу и чуть не упал в нее сам. Подумать только, как он сглупил! Он ничего не понял. Даже когда Сигмунд встал на уроке и сказал: «Markus is my best friend». Маркуса ослепила ревность и гордость, он не понял, что Сигмунд спас его от судьбы, которая могла стать хуже смерти. И почему все так происходит? Почему он всегда все делает не так? А все потому, что он такой... Маркус Симонсен! Не только самый трусливый на свете мальчик, но еще и самый глупый.

Он надел брюки, подошел к шкафу и, почти не надеясь, что это хоть как-то поможет делу, достал синий свитер.

Монс все еще напевал на кухне, и Маркус пошел к нему. Интересно, получится ли у него запахнуть в себя бутерброд с паштетом...

Маркус закрыл за собой входную дверь и вышел на лестницу. Потом он снова открыл дверь и снова вошел. Так повторилось три раза. Не потому, что он что-то забыл, а потому что тройка была его счастливым числом. В нем теплилась слабая надежда, что, если он откроет и закроет дверь трижды, Сигмунд будет стоять на перекрестке и ждать его.

Маркус осторожно шел по дороге. Когда он внимательно прислушался к своему телу, то почувствовал, что нога все еще побаливает. Вчера он всего лишь ее подвернул, споткнувшись. Сегодня наверняка сломает. Маркус всегда считал, что жизнь становится с каждым днем хуже и хуже. На перекрестке спиной к Маркусу стоял какой-то парень в коричневых вельветовых

²³ Какое прекрасное утро (англ.).

брюках и синем свитере и что-то убирал с тротуара. Маркус побежал, но, когда парень обернулся, тут же остановился. Они внимательно посмотрели друг на друга. Их разделяло всего метров пять. Сигмунд держал в руке камень. Маркус слабо улыбнулся, хоть и не был уверен, что ему это удалось.

– У тебя в руке камень, – сказал он.

Сигмунд бросил камень в придорожные кусты.

– Больше нет. – У него тоже не получилось улыбки.

– Ты кидаешься камнями? – спросил Маркус.

Ну вот, молодец, он даже в состоянии поддержать разговор.

– Я их убираю с тротуара, – ответил Сигмунд.

– А-а, – протянул Маркус.

– О них можно споткнуться.

Маркус потрудился над улыбкой.

– Борец за безопасность и чистоту? – спросил он.

– Ага. Как поживают твои уши?

– Все в порядке. Просто вчера их заложило.

Сигмунд кивнул:

– Я так и думал.

Они постояли молча.

– Сигмунд.

– Маркус?

– Прости, – сказал Маркус.

– Нет, это я виноват, – покачал головой Сигмунд.

– Нет, я!

– Мы еще и на эту тему будем ссориться?

Маркус покачал головой:

– Я не хочу ссориться. Мне очень обидно, Сигмунд.

Сигмунд подобрал с тротуара еще один камень и бросил его в кусты.

– Мне тоже.

– Я очень виноват.

– Нет, это я очень виноват.

– Я – мерзавец.

– Нет, это я – мерзавец.

– Нет, я!

– Нет, Маркус. Мерзавец – это я.

Маркус начал злиться. Может он хоть раз в жизни попросить прощения у Сигмунда, чтобы тот не начал спорить?

– Нет, я! – сказал он горячо. – Я выставил тебя на смех перед всем классом.

– И правильно сделал, – сказал Сигмунд, – я же увел у тебя девушку.

– Она не моя девушка!

– Нет. Но скоро будет твоей.

– Что?

– Я рассказал ей всю правду вчера вечером.

– Только не это! – сказал Маркус.

– Да, – ответил Сигмунд, – я сказал, что все эти красивые слова написал ты, а вовсе не я.

Маркус почувствовал, как кровь отливает от головы и собирается где-то под корнями деревьев.

– Ты рассказал?!

– Да, и сказал, что ты ее любишь.

Маркус попытался проглотить слюну, набравшуюся у него во рту.

– А она что?

– Она порвала со мной и теперь хочет пригласить тебя.

– Пригласить меня? Куда?

– На свой день рождения.

Маркус почувствовал, как застучали его зубы.

– П-почему... п-почему... она хочет пригласить меня?

– Полагаю, что она в тебя влюблена.

– Нет, не влюблена! Она же в тебя влюбилась!

– Уже нет, – спокойно сказал Сигмунд. – Боюсь, я в ее жизни останусь всего лишь неприятным воспоминанием. Она считает меня скотиной, кем я, впрочем, и являюсь на самом деле. У тебя есть шанс, Маркус. И я тебе завидую.

Маркуса девочки раньше никогда не приглашали на дни рождения, но он был уверен, что девчонки тратят там время на сплетни, откровения и танцы. Он сам танцевал лишь один раз в жизни и поклялся тогда, что этот раз станет последним. В компании у Эллен Кристины, как только снимут верхнюю одежду, наверняка сразу перейдут к танцам, а когда закончат танцевать, выключат свет. А что случится потом, он даже подумать не смел и тем не менее думал. Мысль о том, что он окажется в темной комнате, когда ухо Эллен Кристины прижмется к его щеке, наполнила его неопределимым ужасом.

– Черт, – сказал он тихо. – Вот засада!

Сигмунд удивленно на него посмотрел:

– Что-то случилось?

– Я не хочу на день рождения к Эллен Кристине!

– Ты же ее любишь?

– Нет, я люблю Муна.

– Ты говорил, что любишь Эллен Кристину!

– Я ошибался. Я думал, ты понял, что... Я думал, поэтому...

Сигмунд медленно покачал головой и так же медленно произнес:

– Я думаю, мы оба должны извлечь из этого урок.

– Из чего?

– Да я и сам не очень понимаю, – немного подумав, пробормотал Сигмунд. – Я смотрю, ты надел синий свитер?

– Да, но, Сигмунд...

– Это значит, что все в порядке?

– Нет! Ничего не в порядке!

Муна и Эллен Кристина шли им навстречу.

– Привет, Макакус! – крикнула Эллен Кристина.

– Помоги, – прошептал Маркус. – Что мне делать?

– Сваливаем, – сказал Сигмунд и понесся по тропинке, которая вела к карьере, где они еще в шестом классе построили хижину. Маркус припустил следом.

– Стойте! – крикнула Эллен Кристина.

Маркус сделал вид, что не слышит.

– Он не слышит, – сказала Муна.

– Я знаю, – ответила Эллен Кристина. – Бедный Маркус.

– Да... – согласилась Муна. – Бедный Маркус...

Они уже давным-давно не были в хижине, но та все еще стояла на месте. Тяжелый рубероид, который они нашли в карьере, по-прежнему лежал на крыше, а на стенах внутри до сих пор висели фотографии кинодивы Дианы Мортенсен, в которую оба мальчика были влюб-

лены несколько месяцев и миллион лет назад. Теперь они сидели каждый на своем деревянном ящике перед самодельным столиком. Времени было больше девяти, а первые два урока вел Воге. Маркус знал: поднимется шум, но будь что будет. У него сейчас проблемы посерьезнее, чем учитель, который воспринимает опоздание как личное оскорбление. Казалось, Сигмунд наслаждался сложившейся ситуацией. У него всегда резко улучшалось настроение, когда требовалось использовать мозги, чтобы помочь Маркусу выпутаться из какой-нибудь сложной ситуации.

– Итак, у нас две проблемы, – сказал Сигмунд и достал из рюкзака записную книжку и карандаш.

– Нет, – возразил Маркус. – Проблем целая куча.

Сигмунд дружелюбно улыбнулся:

– И все же давай начнем с самых важных.

Он вырвал листок из блокнота и начал записывать.

– Первая. Маркус не влюблен в Эллен Кристину и думает, как сказать ей об этом, чтобы не обидеть.

– Не важно, обижу я ее или нет, – взволнованно произнес Маркус. – Проблема в том, как я вообще посмею ей это сказать.

– Верно, – сказал Сигмунд, – но все-таки лучше сказать так, чтобы не обидеть. Мы же не знаем, в кого ты влюбишься в следующий раз.

– Ты это о чем?

– Ни о чем. Просто мысли вслух.

– Я больше никогда не влюблюсь в Эллен Кристину, если ты об этом, – горячо возразил Маркус.

– Точно? – резонно спросил Сигмунд. – Во всяком случае, я считаю наиболее разумным оставить пути для отступления. Согласен?

Маркус не отвечал. Ему было все равно, что напишет Сигмунд, лишь бы он помог избежать участи быть с Эллен Кристиной.

– Вторая, – продолжил Сигмунд. – Макакус влюблен в Муну и думает, как сказать ей об этом, чтобы себя ничем не связывать, если он влюбится в другую.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «ничем себя не связывать»? – спросил Маркус и тут же ответил сам: – То есть оставить пути для отступления и в этом случае?

Сигмунд кивнул.

– Да, – сказал он. – Надо быть осторожным, когда атакуешь как на пути в сторону любви, так и на пути от нее.

Он продолжил записывать.

– А сейчас ты что пишешь? – нервно спросил Маркус.

– Я просто записываю то, что я сказал. По-моему, неплохо сказано, да?

Он поднял взгляд и, прищурившись, посмотрел на Маркуса.

– К первому пункту. Все-таки хорошо бы сходить на день рождения?

– Ты что, с дуба рухнул?!

– Расслабься, – сказал Сигмунд. – Там планируется устроить маскарад.

– Мне все равно, маскарад или нет. Я не хочу туда идти!

– Ты будешь в маске. А это здорово упрощает дело.

– Какое дело?

– Сказать, что ты в нее не влюблен. Ты не представляешь, насколько проще говорить, когда ты в маске. Это все равно что играть роль.

Маркус открыл рот. Потом снова закрыл. До него дошло, что Сигмунд, пожалуй, прав. Если он будет в маске, Эллен Кристина не увидит его лица, и тогда не важно, покраснеет он или будет заикаться. Может, он найдет костюм, в котором будет естественно заикаться и выстав-

лять себя на смех. Уродливый костюм, из-за которого никто не захочет с ним танцевать. Это действительно сильно упростит дело. Он снова посмотрел на Сигмунда.

– Я пойду, если ты пойдешь со мной, – сказал он.

Сигмунд покачал головой:

– Увы. Меня не пригласили. Она меня ненавидит.

– Тогда я тоже не пойду.

– Макакус!

Маркус сильно помотал головой:

– Я один не пойду ни на какой маскарад! Никогда в жизни!

– Вигго тоже пригласили, – сказал Сигмунд и почесал подбородок. – Он примерно с меня ростом. А Вигго откладывает деньги на новый велосипед. Если мы...

Маркус кивнул с воодушевлением. Он понимал, что мозг умного друга работает сейчас на полную мощность.

– Если мы ему предложим сотню крон, может быть, нам удастся уговорить его пустить меня вместо себя. Как тебе?

– Здорово! – с восторгом произнес Маркус. – Ты же тоже будешь в маске. И никто не заметит разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.